

ОДУХОТВОРЕНИЕ

Александр НАЗАРЕНКО,
доктор исторических наук

ВЫБОР КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: ЛОГИКА ЛИЧНОЙ СУДЬБЫ, ЛОГИКА ИСТОРИИ

На вопросы «Родины» отвечает доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, председатель Научного совета РАН «Роль религий в истории», лауреат Премии митрополита Макария Александр НАЗАРЕНКО

— Александр Васильевич, есть две летописные даты, связанные с понятием «начало Руси», — это призвание варягов и Крещение киевлян князем Владимиром. Как соотносятся между собой эти два временных рубежа? Где, с точки зрения истории духовной культуры и менталитета, следует искать точку отсчёта отечественной истории?

— Прежде всего давайте определимся с названными датами. Первая из них, 862 год — не только легендарная, но и в значительной степени условная. Конечно, это не страшно, если мы говорим о государственном юбилее: всем понятно, что государства не рождаются за год... В отличие от 862-го, дата Крещения Руси — то есть принятия христианства самим Владимиром и его окружением и официальной христианизации Древнерусского государства — обозначает вполне конкретное, «точечное» событие, и достоверность летописной хронологии здесь проверяется зарубежными источниками.

Но характер вопроса предполагает известное историософское обобщение. И

чтобы ответить на него, надо поставить другой вопрос: с какого времени, собственно, начинается государственное бытие Древней Руси в смысле наличия общерусской государственной идентичности? Здесь взгляд в первую очередь останавливается на Крещении Руси — том историческом моменте, с которым может соотнести себя самосознание нашего современника. Ведь отождествить себя с полуразбойничьей дружиной Рюрика можно только при очень большом интеллектуальном усилии... Это так же трудно, как, например, современному человеку идентифицировать себя в качестве «индоевропейца»: хотя с точки зрения научной этнолингвистической классификации такая характеристика была бы вполне верной, но в роли самоидентификации она не жизнеспособна, остаётся чисто умственной категорией.

Точно так же и призвание варягов: сама по себе дата, несомненно, отражает некий исторический рубеж, но рубеж, значимый, скорее, для династической хронологии. Всё-таки следует различать основание династии и образование государства. Даже если мы абстрагируемся от справедливого тезиса, что «государство не возят в ладье», и оставим за скобками то несомненное обстоятельство, что у восточных славян к 862 году уже имелись какие-то протогосударственные зачатки, — мы должны признать, что подлинная долговечная держава немыслима без народа, народа относительно единого в силу общего самосознания. Ведь именно наличие такого общего самосознания и обеспечивает нам возможность духовно и эмоционально соединять себя с нашими далёкими предками и служит, таким образом, субстанцией любого государства как исторического явления.

Как раз в ходе христианизации и начинается складываться это самосознание нового народа, нарождавшегося из конгломерата племён, объединявшихся прежде лишь тем, что они были данниками киевских князей. Механизм же сбора дани и иные административные отношения, которые существовали и в дохристианские времена, могли обеспечить формирование *государственного аппарата*, но никак не *государства* в том значении слова, о каком мы здесь говорим.

После Крещения, когда Русская земля постепенно покрывается сетью епархий и приходов, начинает прорастать и утверждаться единая идентичность, основанная на очень простом тезисе, собственно даже переживании: русские — значит, христиане, «крестьяне», православные. Эти понятия, как видно уже из текстов домонгольского времени, тождественны, взаимозаменяемы. А противостоят им язычники, «поганые». Есть Русь и есть «поганые» — древнерусское сознание живёт именно в этой полярности, в этой оппозиции. И здесь мы уже можем говорить о достаточно интегрированном социуме, объединённом общим видением мира, едиными ценностями, языком и культурой.

Конечно, эта общность сложилась не сразу, но тем не менее очень быстро. Древняя Русь — один из удивительных примеров того, как скоро — по историческим меркам, даже стремительно — вырастает народное самосознание, покоящееся на единстве Церкви как универсальном связующем начале. Уже первые творения древнерусской литературы — наша летопись Повесть временных лет, произведения митрополита Илариона, «Хождение в Святую землю» игумена Даниила — всё это абсолютно вершинные достижения. Прошло сто или чуть более лет после Крещения, а культура Слова на Руси уже достигает расцвета, своей высшей точки. Дальше, заметим, линия развития становится более пологой, выходит на «плато». Но первоначальный взлёт поразителен.

В этом отношении я затруднился бы провести какие-то параллели с другими народами и государствами, находившимися в подобной цивилизационной ситуации. Скажем, у славянских народов Центральной Европы или венгров подъём культуры после принятия христианства вовсе не выглядит таким резким взлётом — быть может, оттого, что их книжность была построена на чужом языке — латыни. Мы же вместе с Крещением получили общепонятный литературный язык. И возможность на родном языке говорить и писать о самых важных и интимных вещах, о которых так трудно бывает изъясняться на чужом наречии. Всё это, несомненно, послужило надёжной основой для очень прочного народного